

II.

І е р р о р ь.

Иванъ оставилъ за собою право покарать нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ. Конечно, всякій понималъ, что Грозный не откажетъ себѣ въ этомъ. Курбскій былъ уже слишкомъ далеко: поэтому царь обрушился на его дѣйствительныхъ или мнимыхъ сообщниковъ. На этомъ основаніи были казнены князь Александръ Борисовичъ Шуйскій со своимъ молодымъ сыномъ Петромъ. Съ ними подверглись той же участи нѣкоторые изъ родственниковъ,—между прочимъ, двое Ховриныхъ, князь Иванъ Сухой Капинъ, князь Дмитрій Шевыревъ и т. д. .. Другіе несчастные, какъ князь Иванъ Куракинъ или князь Дмитрій Нѣмой заплатились головою за вины, о которыхъ у насъ нѣтъ свѣдѣній. За казнями послѣдовали ссылки и конфискаціи. Удовлетворивъ такимъ образомъ свой гнѣвъ и начавъ страшное дѣло опричнины, царь согласился, наконецъ, вернуться въ столицу. По свидѣтельству лѣтописца царь измѣнился до неузнаваемости: лицо его казалось совершенно чужимъ; волосы съ головы и лица выпали. Слѣдуетъ отмѣтить это извѣстіе, какъ первое доказательство работы воображенія, старавшагося усилить и безъ того мрачное впечатлѣніе драмы. Какъ извѣстно, подобно всѣмъ современникамъ, царь брилъ себѣ голову. Поэтому его внезапная плѣшивость едва ли могла настолько поразить зрителей. Къ тому же незадолго до пріѣзда въ Москву царь, очевидно, пользовался превосходнымъ здоровьемъ и отнюдь не обнаруживалъ слабости.

Мои читатели помнятъ, что царемъ были перехвачены нѣкоторыя письма изъ Польши. Такимъ образомъ, были скомпрометированы и оказались на подозрѣніи нѣкоторыя лица, къ которымъ были адресованы эти письма. Въ числѣ ихъ были старый Иванъ Петровичъ Челяднинъ съ женою, князь Иванъ Куракинъ-Булгаковъ, трое князей Ростовскихъ и еще нѣсколько бояръ. Всѣ они были привлечены къ этому дѣлу. Ихъ предали палачу, подвергли жестокимъ пыткамъ, наконецъ, казнили. Не избѣгла общей участи и Церковь. Несомнѣнно, съ нѣкоторыми жертвами новаго порядка ее связывало единство интересовъ. Но, помимо того, ужасы опричнины давали ей постоянный поводъ къ заступничеству за несчастныхъ: мы уже говорили, что это право Церкви было драгоцѣннѣйшей ея привиллегіей и самой славной заслугой. Одинъ изъ преемниковъ Макарія въ санѣ митрополита

Московского навлекъ на себя громы Ивана. Впрочемъ, и самъ Макарій нѣсколько разъ ходатайствовалъ предъ царемъ о нѣкоторыхъ лицахъ, которыхъ еще раньше постигаль гнѣвъ государя. Конечно, онъ дѣйствовалъ съ большою осторожностью, но, повидимому, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Между прочимъ, онъ выступилъ на защиту Воронцова и, вѣроятно, самого Сильвестра. Ближайшимъ преемникомъ Макарія былъ Аѳанасій изъ Чудова монастыря: этотъ митрополитъ обнаруживалъ еще менѣе смѣлости и оставался безучастнымъ зрителемъ первыхъ звѣрствъ опричнины. Заболѣвши, онъ уступилъ свое мѣсто въ 1566 году архіепископу казанскому Герману. Однако, этотъ послѣдній не удержался на своей кафедрѣ. Новые любимцы Ивана добились его удаленія; при этомъ они указали государю на другого кандидата. Если не предположить, что на Ивана дѣйствовали другія вліянія, то окажется совершенно невозможнымъ примирить его новый выборъ съ той звѣрской жестокостью, которой, будто бы, отличались его совѣтники изъ опричнины.

Представитель знатнаго рода Колычевыхъ, удалившійся отъ двора вслѣдствіе опалы своихъ сородичей и принужденный принять монашество, Филиппъ былъ настоятелемъ Соловецкаго монастыря. Здѣсь онъ пріобрѣлъ извѣстность своими высокими нравственными качествами и рѣдкими дарованіями администратора. Иванъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, еще съ дѣтства зналъ и любилъ Филиппа. Теперь Соловецкому игумену предложили занять постъ митрополита. Сперва Филиппъ не соглашался принять этотъ санъ иначе, какъ при условіи, что опричнина будетъ уничтожена. Однако, въ концѣ-концовъ, онъ уступилъ, при чемъ обязался письменно не вмѣшиваться ни въ дѣла управленія, ни въ частную жизнь царя. Между тѣмъ, эта жизнь становилась все болѣе и болѣе безпорядочной и разнузданной: этимъ она вызывала противъ себя всеобщее осужденіе. Однако, Иванъ самъ призналъ за новымъ митрополитомъ право заступничества за виновныхъ. Онъ заявилъ Филиппу, что долгъ святителя—не переча царю, смячать его гнѣвъ. Такъ или иначе, но скоро царь сталъ избѣгать митрополита. Однако, они жили слишкомъ близко другъ отъ друга. Даже проживая въ Александровской слободѣ, царь, отъ времени до времени, считалъ необходимымъ наѣзжать въ столицу и молиться у ея святынь. При такихъ условіяхъ уклониться отъ встрѣчи съ митрополитомъ было невозможно.

31 мая 1568 года, въ воскресенье, царь вошелъ въ Успенскій со-

боръ со своими опричниками въ монашескихъ одѣянiяхъ и, по обычаю, попросилъ благословенiя митрополита. Филиппъ молчалъ. Царь троекратно повторялъ свою просьбу, но не получалъ отвѣта; наконецъ, къ митрополиту обратились бояре. Тогда святитель прервалъ свое молчанiе. На глазахъ у присутствующихъ, оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса, завязался трагическiй діалогъ между царемъ и митрополитомъ. Въ длинной рѣчи Филиппъ избличалъ преступленiя и пороки государя. Иванъ напрасно пытался прервать эти суровыя укоризны...

«Самые камни подъ ногами твоими вопiютъ о мести!» говорилъ пастыръ.

«Только молчи, одно тебѣ говорю, молчи, отецъ святой! Молчи и благослови насъ!» повторялъ царь.

«Наше молчанiе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наносить...»

«Близкiе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?.. Не прекословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополию!»

«Я не просилъ, не искалъ черезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовать для полученiя сана; зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?»

Иванъ овладѣлъ собою. Казалось даже, что въ немъ проснулись человѣческiя чувства... Но на другой день по его приказу былъ замученъ въ самыхъ страшныхъ пыткахъ князь Василій Пронскiй... Въ iюлѣ того же года произошло новое столкновенiе царя съ митрополитомъ у Новодѣвичьяго монастыря. Оно рѣшило судьбу Филиппа. Владыки Новгородскiй, Суздальскiй и Рязанскiй самымъ постыднымъ образомъ выразили готовность произвести надъ митрополитомъ пародiю суда. Главнымъ свидѣтелемъ обвиненiя выступилъ преемникъ Филиппа въ Соловецкомъ монастырѣ игуменъ Паисiй. Стоя передъ этимъ судилищемъ, Филиппъ хотѣлъ было, не дожидаясь приговора, сложить съ себя знаки своего пастырскаго достоинства. Но Иванъ остановилъ его, говоря, что ему должно ждать суда, а не быть самому судьей. На слѣдующiй день онъ повелѣлъ ему служить обѣдню, какъ обыкновенно.

Это было въ Михайловъ день. Между тѣмъ, уже готовъ былъ приговоръ, присуждавшiй виновнаго къ вѣчному заточенiю въ монастырѣ, и царь, вѣрный своей привычкѣ къ эффектамъ, готовилъ театральную сцену. Во время богослуженiя опричники ворвались въ соборъ, сорвали съ митрополита облаченiе, надѣли на него дырявую

рясу и, бросивши его въ сани, увезли, при чемъ замечали за нимъ слѣдъ своими метлами и ими же его хлестали. Онъ былъ заточенъ въ Твери, и на слѣдующій годъ, на пути въ Новгородъ, Иванъ послалъ къ нему самаго кровожаднаго изъ своихъ приспѣшниковъ, Малюту Скуратова. Царь еще осмѣливался просить благословенія узника! Никто не знаетъ достовѣрно, что тогда произошло. Нѣкоторые сказанія утверждаютъ, что Скуратовъ положилъ конецъ бурной сценѣ тѣмъ, что задушилъ бывшаго митрополита. По другимъ свидѣтельствамъ, узникъ былъ увезенъ въ Александровскую слободу, и тамъ его сожгли живымъ. Послѣ смерти Ивана тѣло святого было перевезено въ Соловецкій монастырь и сдѣлалось тамъ предметомъ поклоненія; въ 1652 году при Алексѣѣ, онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, и еще до сихъ поръ на поклоненіе его мощамъ стекаются толпы богомольцевъ въ Успенскій соборъ, гдѣ началось его мученичество..

Рѣшеніе Ивана—разить изо всей силы и не падить никого—все крѣпло. Онъ уже не могъ допустить, чтобы кто-нибудь становился между нимъ и тѣмъ, кто мѣшалъ ему на его пути. И вотъ, онъ начинаетъ наносить страшные удары даже собственной семьѣ. Когда онъ упоминалъ въ спорѣ съ Филиппомъ о возставшихъ противъ него родныхъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича. Еще въ 1563 г. онъ заподозрилъ его въ принадлежности къ заговору, сдѣлалъ ему публичный выговоръ и заставилъ его разстаться со всѣми его приближенными. Даже мать его, Евфросинію, постригли насильно въ монахини. Въ 1566 г., онъ лишилъ его удѣла, давши въ обмѣнъ за Старицу два неважныхъ мѣстечка, Дмитровъ и Звенигородъ. По утвержденію иностраннаго лѣтописца, этотъ несчастный князь собирався въ 1569 г. поступить на службу къ польскому королю. Вслѣдъ затѣмъ онъ исчезъ. Былъ ли онъ задушенъ, обезглавленъ, или отравленъ со всѣми своими домочадцами тѣмъ самымъ ядомъ, который будто бы приготовилъ для царя? Свидѣтельства не согласуются одно съ другимъ. Таубе и Крузе, приводящіе послѣднюю версію утверждаютъ, будто Иванъ присутствовалъ при агоніи всей этой семьи; потомъ онъ забавлялся тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ дворовыхъ женщинъ раздѣвали, выгоняли плетью на улицу, стрѣляли въ нихъ изъ пищалей или рубили палашами, оставляя наконецъ тѣла ихъ на растерзаніе птицамъ. Это сказаніе весьма сомнительно. Старшій сынъ Владиміра былъ еще живъ въ 1572 г., такъ какъ онъ упомянутъ Иваномъ въ завѣщаніи, относящемся къ этому вре-

мени. Что же касается до Евфросиніи, то Иванъ ничего не возражаетъ Курбскому, когда тотъ говорить, что въ это же время или раньше она была взята изъ монастыря и утоплена.

Закономъ всякаго террора является его прогрессивное возрастаніе. Разгорающіяся страсти вмѣстѣ съ притуившейся восприимчивостью требуютъ все болѣе сильныхъ, болѣе ужасающихъ эффектовъ. Можетъ быть, Владиміръ былъ уличенъ въ какихъ-нибудь преступныхъ переговорахъ съ Польшей; въ слѣдующемъ году цѣлый городъ заплатился за подобное подозрѣніе. Нѣкій Петръ, по прозванію Волянецъ, бродяга, имѣвшій непріятности съ новгородскими властями, донесъ на жителей: они де готовы передаться Сигизмунду-Августу, и написанный договоръ хранится за иконой Пресвятой Богородицы въ храмѣ св. Софіи. До самаго XVIII вѣка на Руси охотно прибѣгали къ подобнаго рода тайникамъ. Петръ Волонецъ не заслуживалъ особаго довѣрія, но раньше повторявшіеся подобные случаи придавали его доносу нѣкоторое вѣроятіе. Вольный Новгородъ уже проявлялъ свое тяготѣніе къ Литвѣ и Польшѣ, и, когда дѣло коснулось его независимости, формально сталъ подъ покровительство короля Казимира и выразилъ ему свою покорность. Дѣйствительно, выше упомянутый документъ былъ найденъ въ указанномъ доносчикомъ мѣстѣ, и на немъ стояли подлинныя подписи архіепископа Пимена и многихъ именитыхъ гражданъ. Было начато слѣдствіе, подробности котораго приводитъ *Карамзинъ* (Ист. Гос. Рос. Т. IX, прим. 299). Оно обнаружило сообщниковъ: между ними были нѣкоторые новые любимцы царя, какъ Басмановъ, казначей Фуниковъ и дьякъ Висковатый. Было задумано не болѣе, не менѣе, какъ предать Литвѣ Псковъ и Новгородъ, а затѣмъ, съ помощью Польши, посадить вмѣсто Ивана на московскій престолъ Владиміра. Самое дѣло едва-ли могло быть въ рукахъ знаменитаго историка: уже въ его время оно лишь только упоминается въ архивныхъ инвентаряхъ, и надо считать его исчезнувшимъ. Такимъ образомъ, передъ нами встаетъ новая загадка. На этотъ разъ, Иванъ будетъ мстить ужаснѣйшимъ образомъ, онъ превзойдетъ все бывшее въ томъ же родѣ прежде, даже на Руси и во время его царствованія. Вѣроятно, эта месть имѣла, если не свое оправданіе, то по крайней мѣрѣ, нѣкоторое объясненіе. Но въ какой степени была она заслужена?

Царь нерѣдко посѣщалъ Новгородъ, и до этой поры его отношенія съ архіепископомъ и, вообще, духовенствомъ не оставляли желать

ничего лучшаго. Пимень только что прогостилъ пятнадцать недѣль въ Москвѣ и увезъ съ собою довольно значительную сумму денегъ— даръ царя на обновленіе одного храма. Такимъ образомъ, ничего не предвѣщало грозы, разразившейся надъ городомъ въ январѣ 1570 г. Въ студеное зимнее время Иванъ собрался какъ бы въ походъ, взявъ съ собою опричниковъ и цѣлое войско. Дѣйствительно, дѣло шло о военной экзекуціи, передъ которой должны были поблѣднѣть ужасныя воспоминанія о первомъ ливонскомъ походѣ. Она уже началась сейчасъ же на границѣ Тверской земли и повела за собою систематическій разгромъ всей области. На протяженіи всего пути отъ Клина до Новгорода царь оставлялъ за собою пустыню. 2 января его передовые отряды показались подъ стѣнами города и со всѣхъ сторонъ его окружили. Пригородные монастыри были преданы разграбленію, и до 500 человекъ монаховъ уведены. На другой день опричники проникли въ городъ и собрали священниковъ и дьяконовъ всѣхъ церквей; послѣ этого всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ монахами, поставили на правезѣ. Ихъ били ежедневно съ утра и до вечера, требуя по 20 р. выкупа съ головы. Судя по документамъ, есть основаніе предполагать, что между ними нашлись кое-какіе счастливыя, избавившіеся отъ пытки этою цѣной. Другихъ ждала страшная участь. Царскіе пристава въ то же время рыскали по домамъ и сгоняли жителей за ограду, охраняемую войскомъ. 6-го января, въ пятницу, прибылъ самъ Иванъ, съ нимъ его сынъ и пятьсотъ стрѣльцовъ, и первымъ его дѣломъ былъ приказъ бить палками до смерти всѣхъ монаховъ, стоявшихъ на правезѣ. Трупы ихъ были развезены по монастырямъ и тамъ погребены.

Наступалъ чередъ бѣлаго духовенства. Въ воскресенье передъ, обѣдней, архіепископъ вышелъ съ крестнымъ ходомъ навстрѣчу царю на мостъ черезъ Волховъ и собирался благословить его. Иванъ не принялъ благословенія и назвалъ его «волкомъ хищнымъ». Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ ему служить обѣдню у Св. Софіи. Онъ готовилъ для него повтореніе своей расправы съ Филиппомъ. Какъ всегда, царь принялъ отъ епископа приглашеніе къ столу. Онъ казался веселымъ и кушалъ съ охотою, какъ вдругъ, среди трапезы, онъ громко вскрикнулъ. По этому знаку опричники быстро принялись исполнять то, что имъ было заранѣе приказано. Въ одно мгновеніе весь домъ архіепископа подвергся разгрому; съ него самого сорвали одежду и бросили его со всей челядью въ темницу. Въ слѣдующіе дни терроръ достигъ

ужасающихъ размѣровъ. На главной городской площади было воздвигнуто подобіе трибунала, окруженное, какъ всегда, разнообразными орудіями пытокъ, и царь приступилъ къ быстрому суду. Горожанъ приводили сотнями, пытали, жгли на маломъ огнѣ, съ особо-утонченными, повидимому, новыми приѣмами (поджоръ); затѣмъ почти всѣхъ приговаривали къ смерти и везли топить. Окровавленныхъ и трепещущихъ, ихъ привязывали къ санямъ; ихъ спускали по крутому откосу къ рѣчной быстринѣ, гдѣ никогда не замерзалъ Волховъ, и они погружались въ пучину. Топили младенцевъ, привязывая ихъ къ матерямъ, а опричники, съ пиками стоя на лодкахъ, смотрѣли, чтобы никто не спасся.

По словамъ Третьей Новгородской лѣтописи, эти избіенія длились пять недѣль, и рѣдкіе дни не отправлялось на тотъ свѣтъ такимъ образомъ 500—600 человекъ обоого пола. Случалось, что въ одинъ день, число жертвъ возрастало до полутора тысячъ. Первая псковская лѣтопись говоритъ, что, въ общемъ, погибло 60.000. Эти цифры кажутся неправдоподобными. Для общей статистики Ивановыхъ казней мы можемъ пользоваться документами, исходящими отъ него самого. Показанія этихъ документовъ, въ большинствѣ случаевъ, согласуются съ показаніями Курбскаго и различныхъ лѣтописцевъ. Мои русскіе читатели, конечно, догадываются, что я имѣю въ виду «Синодики», родъ поминаній, которыя царь имѣлъ обыкновеніе разсылать по монастырямъ, чтобы монахи молились по убіеннымъ. Подобно тому, какъ это было съ Людовикомъ XI, свирѣпость Ивана, даже обращенная противъ духовенства, всегда сопровождалась педантическимъ соблюденіемъ всѣхъ обрядовыхъ формъ. Что касается Новгорода то списокъ, сохранившійся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, приводитъ только полторы тысячи именъ; но другой синодикъ, принадлежащій Спасскому монастырю въ Прилукахъ, говоритъ намъ о томъ, что такимъ образомъ сохранившіяся имена принадлежали только людямъ именитымъ. Гваньино и Одерборнъ говорятъ, въ томъ же смыслѣ, о 2780 убитыхъ новгородцевъ, не считая простолюди.

Какъ бы то ни было, отвратительная рѣзня достигла самыхъ ужасающихъ размѣровъ, и когда Ивану некого было больше убивать, онъ обратилъ свою ярость на неодушевленные предметы. Онъ съ особымъ звѣрствомъ обрушился сначала на монастыри, гдѣ предполагалъ измѣну. Вѣроятно, по той же причинѣ онъ сталъ безпощадно уничтожать торговлю и промышленность большого города. Всѣ лавки

въ самомъ городѣ и въ пригородахъ, въ которыхъ сосредоточилась вся торговая и промышленная жизнь, а за ними самые дома были разграблены и разрушены до основанія. Самъ царь присутствовалъ при этомъ, а опричники рыскали по окрестностямъ на 200—250 верстъ кругомъ, если вѣрить лѣтописцамъ, и вездѣ дѣлали то же самое.

Наконецъ, когда уже нечего было больше разрушать, 13 января 1570 года, Иванъ приказалъ привести къ нему именитѣйшихъ новгородцевъ изъ оставшихся въ живыхъ, по стольку-то съ каждой улицы. Ни живы, ни мертвы предстали они передъ государемъ, ожидая для себя неслыханныхъ казней. Но, противъ всякаго ожиданія, онъ взглянулъ на нихъ привѣтливымъ окомъ и, очевидно, успокоенный, обратился къ нимъ съ милостивой рѣчью: онъ предлагалъ имъ отбросить отнынѣ всякій страхъ и жить мирно, моля Бога о томъ, чтобы Онъ хранилъ царя и его державу отъ измѣнниковъ, подобныхъ Пимену.

Такъ простился Грозный съ Новгородомъ. Онъ отбылъ въ тотъ же день и увезъ съ собою архіепископа и съ нимъ вмѣстѣ всѣхъ священниковъ и діаконовъ. Хотя они и не откупились отъ правежа, но все же избѣгли участи, постигшей монаховъ.

Новгородъ вздохнулъ; но тѣмъ не менѣе онъ никогда уже не оправился отъ нанесеннаго ему удара. Вмѣстѣ съ цѣлѣмъ его населенія, погибло и его благоденствіе. Хотя бы у Ивана была тысяча причинъ быть неумолимымъ, онъ все-таки преступилъ всякую мѣру. Все же, принимая въ расчётъ неизбежныя преувеличенія всѣхъ лѣтописей въ томъ, что касалось этого мрачнаго эпизода, не будемъ забывать еще одного обстоятельства: аналогичные этому факты имѣли мѣсто приблизительно въ ту же эпоху на Западѣ. Возьмемъ, для примѣра, изъ десяти подобныхъ драмъ повѣствованіе о разгромѣ Льежа Карломъ Смѣлымъ, произведенномъ въ 1468 г., при любезномъ содѣйствіи французскаго кузена. Можно подумать, что Иванъ былъ только подражателемъ. Мы читаемъ у Мишле: «Самое ужасное въ этомъ уничтоженіи цѣлаго племени было то, что это не было рѣзней послѣ приступа, яростью побѣдителя, а длительной экзекуціей. Находимыхъ въ домахъ людей сторожили, до времени охраняли, а затѣмъ по порядку и методически бросали въ Мезу. Прошло три мѣсяца, а людей все еще топили... И городъ былъ преданъ сожженію въ большемъ порядкѣ (Hist. de France, VIII, 148). А вотъ, что говоритъ Анри Мартенъ, ссылаясь на Комминъ, на Жана де-Труа и Оливье де-ла Маршъ. «Женщинъ, монахинъ насилывали и потомъ убивали; священниковъ убивали

передъ алтаремъ... Всѣ плѣнники, которыхъ пощадили солдаты, были повѣшены или утоплены въ Мезѣ» (Hist. de France, VII, 44).

Копія, какъ двѣ капли воды, походить на оригиналъ; даже число жертвъ указано одно и то же—больше пятидесяти тысячъ. Даже сходна внѣшняя обстановка: рѣзня происходила тоже зимою, въ ноябрѣ и декабрѣ.

Изъ Новгорода Иванъ двинулся къ Пскову. Онъ сталъ лагеремъ въ пригородѣ, и всю ночь напролетъ звонили колокола! Какое зловѣщее бодрствованіе! Однако же, на этотъ разъ наказаніе ограничилось общимъ грабежомъ, и народное чувство приписало неожиданную милость царя заступничеству одного изъ блаженныхъ, которыми кишѣла тогда вся московская земля. Юродивый Николай Салось, будто бы, рѣшился протянуть Грозному кусокъ сырого мяса. «Постъ!» закричалъ ему Иванъ. «Постъ? А ты собираешься позжирать человѣческое мясо!» Вѣришь, однако, что пресыщенного казнями Ивана обезумѣла покорность жителей, хорошо обученныхъ воеводою. Но изъ Пскова, такъ же, какъ изъ Новгорода, многія семьи были переселены во внутрь страны. Въ этомъ Иванъ опять только подражаетъ своимъ знаменитымъ предшественникамъ. «Людовикъ XI поклялся, что не будетъ больше Арраса, что всѣ жители его будутъ изгнаны, и имъ позволять даже увезти съ собою ихъ добро, а изъ другихъ провинцій, до самаго Лангедока будутъ взяты семьи и разные ремесленники, чтобы они заселили страну (Ibid. VIII, 322).

Я долженъ прибавить, что, вскорѣ послѣ описаннаго, поляки осадили Псковъ и встрѣтили геройское сопротивленіе. Не поступилъ ли бы городъ иначе безъ этого страшнаго урока вѣрности? Такое сомнѣніе вполне позволительно. Насильно присоединенные къ Москвѣ, нарушившей ихъ обычаи и интересы, оба города только страха ради исполняли свои новыя обязанности.

Возвращаясь въ Москву, царь пожелалъ устроить себѣ торжественный вѣздъ въ столицу, какъ послѣ счастливаго похода. Къ чему онъ присоединилъ ради забавы шутовской маскарадъ, подобный тѣмъ, которые такъ любилъ впоследствии Петръ Великій. Предшествуемый шутомъ, верхомъ на быкѣ, царь ѣхалъ во главѣ опричниковъ, украшенныхъ ихъ страшными знаками отличія—метлой и песьей головой. Затѣмъ онъ занялся разборомъ дѣла многочисленныхъ соучастниковъ Новгородской и Псковской измѣны. На это ушло немало времени, и только 25 іюля 1570 года царь со своими подданными дол-

женъ былъ присутствовать на Красной площади при пыткѣ виновныхъ. Ихъ насчитывалось до трехсотъ. Всѣ они еле живы вышли изъ застѣнка, замученные и истерзанные. Но, къ удивленію Ивана, площадь была пуста. Противъ обыкновенія, на этотъ разъ ничто не могло привлечь зрителей: ни жаровни, ни раскаленные до красна клещи, ни желѣзные когти и иглы, ни веревки, которыми перетирали пополамъ тѣла пытаемыхъ, ни котлы съ кипящей водою. Вплоть до самаго XVIII вѣка ни одно зрѣлище не привлекало въ Москвѣ и въ Петербургѣ такого стеченія любопытныхъ, какъ пытка; но въ послѣднее время оно повторялось слишкомъ часто, и слишкомъ многихъ доставала неумолимая рука палача. Всѣ стали прятаться. Царь былъ принужденъ разослать по городу глашатаевъ съ успокоительными рѣчами: «Ступайте! не бойтесь! никому ничего не будетъ...» Изъ подваловъ и съ чердаковъ появились, наконецъ, необходимые зрители, и вотъ Иванъ, невозмутимый и неистощимый, начинаетъ длинную рѣчь: «могъ ли онъ не карать измѣнниковъ?... но онъ обѣщаетъ быть милостивымъ и держитъ слово: изъ 300 осужденныхъ, 180 будутъ помилованы».

Зато остальные пускай заплатятъ сторицею. Грозный былъ несомнѣннымъ виртуозомъ въ искусствѣ пытки и умерщвленія; но и въ этомъ онъ только слѣдовалъ общей склонности людей его времени, воображеніе которыхъ вдохновлялось и возбуждалось въ этомъ направлении извѣстными произведеніями духовной литературы. Таковы были житія святыхъ, любопытный образчикъ которыхъ былъ недавно (1902) изданъ братьями Успенскими. Они въ этомъ смыслѣ особенно возбуждали жестокое чувство. Гваньино съ особою охотою распространяется о мученіяхъ, которымъ въ этотъ ужасный день подвергался дьякъ Висковатый: его повѣсили за ноги и разрубали на части, какъ мясную тушу; а казначея Фуникова обрызгивали поочередно то кипяткомъ, то ледяной водою, такъ что кожа сходила съ него, какъ съ угря...

Раньше, чѣмъ вернуться въ свой новый дворецъ, гдѣ онъ теперь жилъ, предоставивъ Кремль земщинѣ, Иванъ, будто бы, заѣзжалъ въ домъ Фуникова и увелъ оттуда жену казначея, молодую и красивую сестру князя Аѳанасія Вяземскаго. За то, что она не хотѣла или не могла сказать, гдѣ мужъ ея спряталъ свои сокровища, царь велѣлъ раздѣть ее на глазахъ ея пятнадцатилѣтней дочери, посадить верхомъ на веревку, протянутую отъ одной стѣны къ другой, и таскать ее по

этой веревкѣ. Потомъ ее заключили въ монастырь, гдѣ она вскорѣ умерла вслѣдствіе этой ужасной пытки. Ея братъ уже нѣсколько лѣтъ былъ довѣреннымъ лицомъ при царѣ, который только изъ его рукъ соглашался принимать лекарство. Теперь его также отдали въ руки палача. Главный любимецъ, Басмановъ, тоже не избѣжалъ насильственной смерти: по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, онъ былъ убитъ по приказанію царя царевичемъ Θεодоромъ, будущимъ наслѣдникомъ престола. Пимена увезли въ Александровскую слободу, гдѣ онъ служилъ нѣкоторое время забавою для опричниковъ, а потомъ его отправили въ изгнаніе въ Рязанскій городъ Веневь.

Итальянецъ и католикъ Гваньино, собиравшій свѣдѣнія для своей скандальной хроники въ Польшѣ, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ мало довѣрія. Но и англичанинъ Горсей даетъ намъ такія же ужасныя подробности пытокъ, на которыхъ онъ яко бы присутствовалъ. Онъ видѣлъ какъ одного человѣка—князя Бориса Телепнева, котораго онъ называлъ Т е л о р а—посадили на колъ, и онъ мучился на немъ втеченіе пятнадцати часовъ, въ то время, какъ на его глазахъ до ста человѣкъ стрѣльцовъ насиловали его мать, пока она не умерла. Но тотъ же Горсей говоритъ о 70000 человѣкъ, убитыхъ въ Новгородѣ! Дальше я выскажу нѣсколько соображеній относительно этихъ иностранныхъ свидѣтельствъ, которыми мы принуждены пользоваться за неимѣніемъ другихъ. Слишкомъ довѣряя имъ, большинство историковъ дошли до убѣжденія, что Неронъ и Калигула были превзойдены въ Москвѣ, и что Иванъ въ эту эпоху не владѣлъ своими умственными способностями, былъ на краю безумія или даже прямо сумасшествія. Я уже высказалъ свое мнѣніе относительно этого послѣдняго пункта. Я прибавлю, что самъ Грозный далъ намъ самое достовѣрное указаніе на состояніе своей души въ это время. Я упоминалъ о его завѣщаніи 1572 г. Несомнѣнно, это произведеніе человѣка, глубоко и болѣзненно уязвленнаго въ своихъ чувствахъ, но отнюдь не безумнаго. Конечно, какъ всегда, онъ ищетъ лирическихъ эффектовъ, видитъ вещи и передаетъ впечатлѣнія въ неизбѣжно преувеличенномъ видѣ: поэтому нельзя принимать его слова въ буквальномъ смыслѣ. Но, именно, его старанія и искусныя приемы, имъ употребляемые, исключаютъ, по крайней мѣрѣ, въ этотъ моментъ, всякое предположеніе о безуміи. Рѣшительно, для человѣка, лишеннаго здраваго смысла, онъ горюетъ, жалуется, защищается слишкомъ умѣло. Онъ не чувствуетъ себя въ безопасности на престолѣ, и не увѣренъ въ

будущности своего рода. Онъ въ своемъ царствѣ—изгнанникъ, и не видитъ конца борьбѣ съ лютыми врагами. Силы его истощились и умъ его помутился; раны его душевныя и тѣлесныя безчисленны, и нѣтъ у него никого, кто бы ихъ утѣшалъ, пожалѣлъ бы его и утѣшилъ. Ему заплатили зломъ за добро, а за любовь—ненавистью. Онъ согласенъ видѣть въ этихъ испытаніяхъ справедливое проявленіе гнѣва Божія, наказующаго за частое погрѣшеніе имъ закона и осуждающаго его на скитаніе вдали отъ столицы, *откуда выгнали его себялюбивые бояре*. Можетъ быть, его сыновьямъ посчастливится пережить это тяжелое время. И вотъ, составляя свое завѣщаніе, онъ желаетъ имъ дать нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Не собирается ли онъ умирать? Собственно говоря—нѣтъ. Правда, смерть была бы для него сладкой и желанной; но онъ предполагаетъ, что ему не суждено еще такъ скоро вкусить этого блаженства, дабы онъ могъ нищенской жизнью искупить свои грѣхи. Бредитъ ли онъ? Нисколько! его совѣты превосходны, отмѣчены самымъ твердымъ и свѣтлымъ умомъ, хотя, можетъ быть, запечатлѣны излишней недоувѣрчивостью. Иванъ готовъ вездѣ видѣть враговъ; предостерегая своихъ сыновей отъ предстоящихъ имъ козней, онъ совѣтуетъ имъ лично входить во всѣ дѣла и никогда, ни въ чемъ не довѣрять *другимъ*,—иначе *другіе* на самомъ дѣлѣ будутъ властвовать, а имъ останется только видимость власти. Такъ говорить можетъ только великій мастеръ въ искусствѣ властвовать, а не безумецъ (это завѣщаніе было напечатано въ Актахъ Историческихъ, Доп. I, и 222).

Но, вотъ, еще болѣе разительное доказательство не только полнѣйшей ясности, но и невѣроятной гибкости ума, проявленной этимъ человекомъ въ такую минуту, когда сильнѣйшій характеръ могъ бы обнаружить, по крайней мѣрѣ, мимолетные признаки смущенія и слабости. На другой же день послѣ московскихъ казней, служившихъ продолженіемъ новгородскихъ и, дѣйствительно, ужасныхъ, какъ бы не были преувеличены о нихъ рассказы,—Иванъ принимаетъ участіе въ теологическомъ спорѣ, самъ начинаетъ его и ведетъ безъ малѣйшаго смущенія и утомленія, хотя, казалось бы, и во всякое другое время подобный споръ долженъ былъ поставить втупикъ профана.

Именно, какъ разъ въ это время, имѣлъ мѣсто его знаменитый публичный споръ съ Яномъ Рогитою, однимъ изъ членовъ общества моравскихъ и богемскихъ братьевъ.

Протестанты пользовались тогда въ Москвѣ, относительно, привилегированнымъ положеніемъ. Въ нихъ, главнымъ образомъ, видѣли союзниковъ въ борьбѣ съ ненавистными латинянами. Лютеранамъ и кальвинистамъ позволено было строить въ столицѣ свои церкви, и Иванъ ласково принималъ представителей нѣмецкой или англійской реформации, которые посѣщали его дворъ или у него служили. Ему даже нравилось слушать поученія Магнусова капеллана, Христіана Бокборна, и онъ съ похвалою о нихъ отзывался. Онъ говорилъ, что если бы Лютеръ, нападая на папство, не затронулъ также древней духовной іерархіи и не осквернилъ бы своего толкованія священнаго писанія тѣмъ, что постыдно отрекся отъ монашескихъ правилъ и одежды—его ученіе было бы пріемлемо. Но Бокборнъ и его единовѣрцы, поглощенные заботами о своей карьерѣ или торговыми интересами, не извлекали никакой особой пользы изъ своихъ преимуществъ. Проповѣдь Миссенгейма чуть ли не является единичнымъ фактомъ. Одинъ изъ сотрудниковъ датскаго миссіонера, Гаспаръ Эберфельдъ, которому приписываютъ попытку обратить царя въ протестантство, чуть ли не одно и то же лицо съ Гаспаромъ Виттенбергскимъ. Если вѣрить Одерборну, послѣдній самъ перешелъ въ православіе и сталъ яркимъ хулителемъ своей прежней вѣры. Въ областяхъ, лежавшихъ по сосѣдству съ Швеціей и владѣніями Ливонскаго ордена, велась нѣкоторая протестантская пропаганда, терпимая изъ политическихъ видовъ. Въ другихъ мѣстахъ терпимость являлась только выраженіемъ презрительнаго равнодушія.

Являлось также совершенно исключительнымъ обстоятельствомъ, что Рогита, сопровождавшій въ Москву польское посольство, задумалъ идти по стопамъ Миссенгейма. Онъ былъ родомъ чехъ и слылъ за одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Богемскаго братства, жившихъ въ королевствѣ Сигизмунда. Въ его корреспонденціи есть нѣкоторыя указанія на миссіи, на которую онъ и его близкіе возлагали честолюбивыя надежды. Посольство прибыло въ Москву въ февралѣ 1570 г., въ то трагическое время, когда Иванъ былъ занятъ описанными нами казнями, и до 4 мая должно было дожидаться возвращенія царя. 7-го мая посламъ былъ назначенъ пріемъ, а три дня спустя Рогитѣ было предложено говорить всенародно, при чемъ возражать ему будетъ самъ Иванъ.

Диспутъ происходилъ въ Кремлѣ, въ присутствіи многочисленнаго собранія свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Очевидно, милостивыя

бесѣды съ Бокборномъ и другими представителями Реформациі только вооружили государя для борьбы съ ними. Онъ сталъ говорить первый и обрушился какъ на основные принципы новаго ученія, такъ и на его примѣненіе, причемъ обнаружилъ близкое знакомство съ предметомъ. Не обошлось, по обыкновенію, и безъ нѣкотораго увлеченія съ его стороны, выразившагося въ грубостяхъ; между прочимъ, Иванъ замѣтилъ, что судя по дѣламъ ихъ, послѣдователи евангелической вѣры свиньи. По этому началу можно было предположить, что диспутъ кончится плохо. Ничуть не бывало. Иванъ обѣщалъ не прерывать своего оппонента, и сдержалъ слово. Но напрасно Рогита въ своемъ отвѣтѣ, сказанномъ по-славянски, пустилъ въ дѣло все свое чувство мѣры и проявилъ крайнюю ловкость, обдуманно нападая только на слабости римской церкви; царь слушалъ его терпѣливо, похвалилъ его краснорѣчіе, выразилъ желаніе имѣть его рѣчь написанною и сказалъ, что онъ все-таки отвѣтитъ; черезъ нѣсколько недѣль, прощаясь съ иноземцемъ, онъ велѣлъ ему вручить свой отвѣтъ, богато переплетенный, и этимъ все ограничилось.

Читая это произведеніе, оригинальный текстъ котораго былъ недавно открытъ и напечатанъ, Рогита могъ убѣдиться, что онъ даромъ потерялъ время. Съ литературной точки зрѣнія отвѣтъ не дѣлаетъ чести государю. Во вкусѣ того времени, т.-е. очень плоско, Иванъ играетъ именемъ Лютера, котораго онъ называетъ *Лютымъ*, подобно тому, какъ въ Германіи Мюнцеръ называлъ его *Lueneget* (лгунъ); къ самому Рогитѣ и его единовѣрцамъ онъ также примѣняетъ различные бранные эпитеты. Произведеніе это не отличается ни ясностью идей, ни основательностью разсужденій, ни логичностью. Зато въ немъ обнаруживается масса знаній, вѣрность памяти, живость ума, сила діалектики—словомъ, Иванъ является здѣсь въ полномъ обладаніи всѣми присущими ему способностями. Приемы—если не сказать стиль—вездѣ тѣ же, что и въ перепискѣ съ Курбскимъ. «Ты говоришь о пророкахъ?... Ну такъ будемъ отвѣчать тебѣ ихъ словами... Вспоминаешь о Моисеѣ? сличимъ тебя съ Моисеемъ...» Словомъ—передъ нами—произведеніе самоучки и нервнаго человѣка, не получившаго систематическаго образованія, но не лишеннаго ума и много думавшаго.

Мрачная исторія опричнины содержитъ въ себѣ одинъ эпизодъ, который можетъ заставить усомниться въ душевномъ здоровьи Ивана, подтверждаемомъ приведенными фактами. Это—одинъ изъ самыхъ

загадочныхъ моментовъ драмы, и мы должны на немъ остановиться.
Между 1574 и 1575 г.—время точно неизвѣстно—при жизни Ивана.
на Руси явился новый царь.
